

HARLEQUIN®

101

Элизабет Бикон

ОБЕЩАНИЕ
ЛОРДА ЛОРЕЙНА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон

Обещание лорда Лорейна

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-3
ББК 84(7Сое)

Бикон Э.

Обещание лорда Лорейна / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2015 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08710-2

Сэр Гидеон Лорейн и Калли Соммерс – внебрачные потомки старинного рода. Они полюбили друг друга совсем юными и поженились против воли родителей, но к радости дедов. Потеряв дочь, молодые супруги стали ссориться, и вскоре Калли прогнала молодого мужа, а сама уехала в соседний городок, где открыла школу для девочек. Гидеон, получивший юридическое образование, делает успехи как адвокат в криминальных и запутанных делах. Пришла пора навести порядок и в собственной жизни, а для начала – убедить жену, что он по-прежнему предан ей и они оба заслуживают второй попытки.

УДК 821.111(73)-3

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08710-2

© Бикон Э., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Элизабет Бикон

Обещание лорда Лорейна

Elizabeth Beacon
LORD LAUGHRAINE'S SUMMER PROMISE

A Novel

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены. Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании лицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Lord Laughraine's Summer Promise Copyright
© 2015 by Elizabeth Beacon

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

– И где же была бы школа «Кейтерет-Хаус», если бы ваша память так не ослабла из-за жары? – раздраженно осведомился сэр Гидеон Лорейн, известный также как Фредерик Питерс, у туповатого местного жителя, которого он подозвал, чтобы спросить дорогу.

Бездельник почесал сивую голову и пожал плечами. Гидеон извлек из жилетного кармана монетку и поднял повыше. Может быть, она оживит память зеваки?

– Вон там, – наконец заявил местный житель, кивая в сторону фермы на другой стороне долины, которая выглядела так, словно знавала лучшие дни. – Старуха-то, скорее всего, дома, а девица с полчаса назад ушла в Мэнидаун.

Гидеон еле удержался от ругательства и бросил монетку мошеннику, а затем развернул уставшего коня и поскакал по следам «девицы». Невозможно предугадать, как встретит его «девица». Побледнеет ли она, увидев его, задрожит ли, как будто за ней гонятся все демоны, или одарит его лучезарной улыбкой, которую он до сих пор вспоминал с замиранием сердца, хотя прошло столько лет? Кто знает? Как бы там ни было, леди Виржиния Уинтерли права; он должен выяснить, улыбнется ли ему еще его жена наяву, а не во сне...

Его покойная покровительница и друг оставила ему письмо, в котором объявляла о ждущем его испытании. По условиям ее завещания, несколько человек должны были решать определенные задачи в разное время года. Гидеон понятия не имел, что принадлежит к числу несчастных, пока молодая леди Фарензе не передала ему, что следующие три месяца ему предстоит кое-что совершить.

«Милый мальчик! – так леди Виржиния начала письмо. – Не сомневаюсь, ты очень удивишься, узнав от милой Хлои, что тебя ждет следующее испытание в моем списке. Хотя удивляться тебе не следует, – продолжала леди Виржиния, как будто стояла у него за плечом и заметила скептическое выражение его лица, когда он наконец понял, зачем молодая жена Люка Уинтерли разыскала его и передала письмо от покойной родственницы. – Ты – тайный внук моего любимого Виржила, и мы не объявляли открыто о нашем родстве лишь из почтения к твоему двоюродному дяде, лорду Лорейну. Наше признание лишило бы титулов и поместий единственного законного наследника, а мы оба слишком любим и уважаем Чарли Лорейна для того, чтобы поступать так с ним или с тобой. Знаю, правда о твоём рождении мучила тебя с тех самых пор, как ты подросток и до тебя дошли слухи о том, кто твой настоящий отец. Но для меня эти слухи утешительны.

Я очень рада, что получила возможность увидеть, как из затравленного, несчастного мальчика вырос настоящий красавец. Жаль, что милый Виржил не дожил до наших дней и не видит, каким ты стал. Отрадно сознавать, что ты нашел свою дорогу в жизни. Не нахожу слов, чтобы передать, как я любила мужа; конечно, мною двигало себялюбие, когда я приближала тебя к себе: ты похож на Виржила не только внешне. Да, вы с ним очень похожи, хотя, по-моему, Джеймс больше пошел в него внешне, чем ты, милый Гидеон. Зато у тебя большое сердце и добрая душа, которые уравнивают твой острый ум, и я радовалась, что получила возможность лучше узнать тебя за последние несколько лет, чем знал тебя Виржил при жизни, как он ни умолял твоего отца, чтобы тот разрешил ему хотя бы познакомиться с внуком.

По-моему, Эсмонд готов был пойти на что угодно, лишь бы причинить боль своему настоящему отцу. Держа тебя вдали от него, он доказывал, что в состоянии причинить боль человеку, который, как он считал, сломал ему жизнь».

Гидеон остановился и посмотрел вдаль. Очень не хотелось вспоминать о сложных отношениях с отцом. К тому же и Виржил, и Эсмонд находятся далеко за пределами сферы его влияния. Поэтому вместо них он стал думать о жене. Куда Калли направилась в такой жаркий день? Может, у нее свидание с любовником? От жгучей ревности его скрутила такая боль,

что он судорожно вздохнул. Девять лет назад она отправила ему последнее письмо, в котором категорически требовала больше никогда ей не докучать. Потом – годы молчания... Едва ли сейчас она ему обрадуется! И все-таки леди Виржиния, чтоб ей провалиться, была права. Он похлопал по внутреннему карману сюртука, перекинутого поперек седла, и вздохнул с облегчением, услышав шорох бумаги за шелковой подкладкой. Ему, адвокату, который брался за необычные дела, непременно требовались надежные места для хранения важных документов. Но к письму леди Виржинии он относился со смешанными чувствами, хотя и успел выучить его наизусть.

«Задача, которую я тебе предлагаю решить, непроста: разыщи свою жену и поговори с ней по душам. Не знаю, согласится ли она выслушать тебя и проявит ли достаточно великодушия для того, чтобы уступить. Тем не менее ты должен выяснить, остается ли надежда на возрождение вашей семейной жизни, или ее нужно окончить с достоинством. Если будешь по-прежнему жить, как сейчас, ты до конца дней останешься беспокойным и одиноким, а я очень хочу, чтобы ты был счастлив. Мне повезло: я повстречала мужчину, которого любила всей душой и всем сердцем; еще больше повезло в том, что мы вместе прожили долгую жизнь. А вы, двое детей, умудрились полюбить и потерять друг друга, едва сойдя со школьной скамьи. Гидеон, если окажется, что вы не можете жить вместе как муж и жена, согласись на раздельное проживание и устраивай свою жизнь. По моему мнению, два таких своевольных упрямаца, как ты и Калли, созданы друг для друга.

Как ты поступишь с Рейной и прекрасным наследством, на которое ты имеешь все права как последний официальный наследник Лорейна, – решать тебе. Мой тебе совет: перестань быть упрямым идиотом и прислушайся к старику Чарльзу Лорейну. Ты называл его дядей Чарльзом с тех пор, как научился говорить, и, наверное, понимаешь, что он охотно назовет тебя своим родственником, каковы бы ни были истинные обстоятельства дела. Несомненно, твоя жена вольна поступать, как захочет, но, поскольку мы с тобой знаем, что она – родная внучка лорда Лорейна, ей придется хотя бы выслушать его, даже если она останется глуха к твоим увещаниям. Будущее такого большого поместья и всех, кто с ним связан, определится довольно скоро. Жаль, что нельзя поступить по-другому, и прошу тебя, поверь: Виржил с радостью признал бы тебя своим внуком, хотя твой отец терпеть не мог упоминаний о собственном незаконном рождении и ничего не желал слышать. Чарли Лорейн сейчас почти так же стар, как и я, и, если вы не поспешите, время накажет вас, трех неслгибаемых идиотов. Остается добавить: никогда не принимай за чистую монету то, что говорит ее тетка, и постарайся понять, почему ваша юная любовь окончилась так неудачно».

Гидеону очень хотелось выбросить из головы последнее письмо своей наставницы и покровительницы и вернуться в Лондон настолько быстро, насколько позволил бы уставший конь. Он успел привыкнуть к своей жизни и даже считал ее сносной. Какой он был дурак, когда с готовностью вызвался помогать леди Виржинии в последний год ее жизни, когда она наметила четырех жертв!

Неужели он думал, что останется без задания? Возможно – до получения письма. Врожденное чувство справедливости заставило его уточнить: нет, они – не жертвы. После первых двух испытаний Люк Уинтерли и Том Бенберг стали счастливыми мужьями очаровательных молодых жен. Леди Виржиния может записать на свой счет две победы. Если он хоть что-то понимает про себя самого и Джеймса Уинтерли, двух одиноких волков, они несомненно сравняют счет. Наверное, леди Виржинии следовало тратить силы на более достойных претендентов, а на него и Уинтерли махнуть рукой!

В тот день Калли столь решительно выбралась из дому, так как собиралась как можно скорее, пока никто не заметил, добраться до Мэнидауна. Удушающая жара отнимала послед-

ние силы. Пришлось замедлить шаг, и все же она продолжала идти вперед, несмотря на сильное подозрение, что ей лучше вернуться в «Кейтерет-Хаус» и забыть о своих делах – по крайней мере, на сегодня. Печальная правда заключалась в том, что она не в состоянии была больше выносить ни дня праздной скуки – ведь ее ученицы разъехались на лето по домам. Промучившись неделю от жары и без конца выполняя теткины мелкие поручения, от которых невозможно было избавиться, она решила уйти. Иначе день непременно выльется в ссору, которая окончится слезами и многодневным каменным молчанием. Не стоит безвылазно сидеть в «Кейтерет-Хаус», когда ее не занимают школьные дела. Конечно, девять лет назад тетя Серафина была совершенно права: им обеим нужно было начинать жизнь сначала. В то время их обеих разочаровали и предали мужья. Тетка предложила объединить силы и снять просторный дом, в котором можно, например, открыть школу. Девять лет назад теткино предложение показалось ей замечательным: они будут вести скромную жизнь на свои ограниченные доходы, а она поможет пятнадцати девочкам из среднего класса узнать больше о мире – по крайней мере, узнать столько, сколько позволено для молодых леди. В то время собственная жизнь казалась ей пустой и безнадежной, поэтому она ухватилась за предложение тети Серафины. Теперь же внутренний голос все чаще спрашивал: «И это все?» Нет, она не станет его слушать! Она знала пылкую, страстную любовь, но оказалось, что любовь – ошибка, которая ранила всех, кто был ей небезразличен. Пока ей вполне хватает школы, да и ученицы как будто довольны. Если будущие жены и матери после ее уроков станут больше знать, может быть, со временем мир изменится к лучшему и общество начнет ценить по достоинству женщин, которые сейчас по закону считаются собственностью мужей, отцов или братьев. В школе она занята полезным делом. Она взяла девичью фамилию – мисс Соммерс, – и окружающие считают ее старой девой. Такая жизнь ее устраивает... ну, почти устраивает.

Науки, которые преподавала Калли, дополнялись уроками танцев и музыки – они наняли еще двух учителей, которые приезжали на несколько часов в неделю. Помня, что племянница гораздо охотнее занималась у преподобного Соммерса, чем его родные дочери, тетя Серафина даже позволила Калли преподавать девочкам ряд предметов, которые обычно предназначались только для их братьев... Где еще допустимы подобные вольности? Калли напредила себе, что летом, когда ничто не отвлекало ее от мыслей о той жизни, которую она выбрала для себя добровольно, она сама себя не узнавала. В такое время года ей приходилось гнать от себя тяжелые воспоминания о страсти и горе, которые лучше всего забыть. Самое трудное заключалось в том, чтобы придумать, чем себя занять, – и она нашла себе дело не хуже любого другого.

Она искала спасения в своих фантазиях. Они еще в раннем детстве помогали ей пропускать мимо ушей брань и упреки тети Серафины. Теперь же фантазия уносила ее в такие места, о существовании которых она раньше даже не подозревала. Надежда на другую, лучшую жизнь укрепляла решимость выяснить, приведет ли ее писательство к чему-то большему, чем то, на что она надеялась, когда впервые села с пером над чистым листом бумаги. Наверное, лучше всего не думать о том, каким будет ответ на ее последнее письмо издателю... не слишком тешить себя надеждами и не сжиматься от страха. Поэтому она отвлеклась от созерцания природы – в такую жару все живое спит – и задумалась о том, как живут женщины в экзотических странах с жарким климатом. Знатные дамы, во всяком случае, днем наверняка отдыхают в прохладных комнатах, а не гуляют в одиночку в такую погоду, когда трава от жары жухнет и становится безжизненной, как солома. Сейчас она могла бы лежать в подушках на шелковом диване и беречь силы для прохладного вечера, мечтая о возлюбленном. Контраст между таким праздным и сонным времяпрепровождением и тем, что происходило на самом деле, быстро вернул ее к действительности. Она вздохнула и пожалела, что пропустила мимо ушей вопросы, куда она идет в такой жаркий день; тогда она могла бы заказать коляску и не идти в Мэнидаун пешком.

Хорошо, что старая соломенная шляпка хоть немного защищает голову от солнца. Тетя Серафина не укорит ее в том, что она портит цвет лица. И все же очень хотелось бродить по прохладному дворцу своей мечты в легких и воздушных шелках, которые струились бы вокруг ее рук и ног... Какое чувственное наслаждение – касаться босой ступней гладкого, как атлас, мраморного пола! На миг ей показалось, будто у нее под ногами гладкий камень, и она инстинктивно поджала пальцы и мигом вернулась в действительность. Жара, пот, грязь; ноги с трудом переступают по раскаленной земле.

Прошло почти девять лет с тех пор, как дедушка Соммерс заразился лихорадкой от мужа тети Серафины, по которому тетка, впрочем, совсем не горевала. Когда преподобный Соммерс последовал в могилу вскоре после своего недостойного зятя, больше ничто не удерживало тетку и племянницу в Рейне. Калли решила, что, уехав из родных мест, она снова сможет стать самой собой. Ее девичья фамилия достаточно распространенная, да и разыскивать ее никто не будет. Поэтому она снова стала называться мисс Соммерс, старой девой, а тетя Серафина стала вдовой миссис Гришем. Соседкам, которые приходили посплетничать, она говорила, что очень горюет по покойному мужу. Хотя жили они менее чем в двадцати милях от Рейны, казалось, что они переместились в совершенно другой мир, где нет старинного величественного замка и окружающих его многочисленных деревушек, в названии которых присутствует слово «Рейна».

Лучше не думать о прежней жизни, решила она, боясь, что боль и горе захватят ее даже сейчас, через девять лет. О чем она? Ах да – вышла из дому без чулок, отчасти экономии ради, а отчасти из-за того, что сегодня слишком жарко. Может быть, под маской строгой школьной учительницы по-прежнему живет порывистая Калли? Она сосредоточилась на цели своей прогулки. И все же в такую жару на знакомой тропинке она не способна была отвлечься слишком надолго.

И потом, невозможно представлять себя отважной и чувственной красавицей и томиться по красивому возлюбленному, когда тебя облепили сорочка и корсет, нижняя юбка и строгое платье! Калли с трудом загнала мысли о возлюбленном в дальний уголок сознания, где она хранила свои самые заветные тайны. Во всяком случае, целых девять лет она мечтала не о том мужчине, в которого когда-то влюбилась. Если бы сейчас перед ней очутился ее муж, она бы, скорее всего, его не узнала. Вспомнив страшные ссоры и наводящее ужас молчание перед расставанием, она вздохнула и погрузилась в мечты о другой, выдуманной Калли, которая мечтала о совершенно другом мужчине, не похожем на того, что был у нее когда-то. И о чем же мечтала другая Калли? Разумеется, она страстно жаждала увидеть его снова, хотя они провели врозь всего несколько часов. Их освежали вееры, которыми махали невидимые руки; от палящего солнца они укрывались в мраморном дворце, где гуляли искусно созданные сквозняки. Героиня отошла от придворных дам, которые праздно бродили по залам и сплетничали в ожидании вечера, когда мир снова оживет. Вечером воздух напитали нежные ароматы экзотических цветов и редких специй. Глаза радовали яркие цвета; чувственная музыка и танцы сулили ночь, полную возбуждения и страсти. Наконец-то жажда, которой она томилась, будет утолена!

Что-то подсказывало реальной Калли: даже если бы она вела такую жизнь, она непременно восстала бы против правил, запрещавших дамам вступать в связь с внешним миром за пределами дворца. С другой стороны, кто сказал, что фантазии должны совпадать с действительностью? Она вздохнула. Как же жарко! От испарины все тело стало неприятно липким. Далеко ли она, более взрослая и мудрая, ушла от жадной до впечатлений семнадцатилетней Калли Соммерс? Она покачала головой, жалея, что нельзя повернуть время вспять и предупредить безрассудную идиотку не мечтать так пылко и страстно – может быть, тогда ее теперешняя жизнь сложилась бы по-другому.

С трудом отогнав от себя мысли о прошлом, которое все равно невозможно изменить ни за какие блага мира, она с трудом удержалась, чтобы не повесить шляпку на ближайший

куст. Шляпка, конечно, немного защищает от солнца – но как же в ней жарко и душно! Кроме того, в ней она выглядит настоящей старой девой. Она развязала старые ленты; легкий ветерок приятно обдувал шею. Она очнулась, когда под ногами заскрипел песок – а она-то грезилась, как, совершенно обнаженная, входит в широкий пруд, где на поверхности воды плавают розовые лепестки! Воображаемая Калли наслаждалась окружавшими ее прохладой и роскошью, а больше всего тем, что владыка всей этой роскоши любил и ценил ее превыше всех богатств мира...

Нет, пожалуй, это самая опасная фантазия из всех. Она тряхнула головой, отгоняя ее, и почувствовала, как кровь стучит в ушах. Калли невольно вспомнила строгие предупреждения тети Серафины о том, как опасно бродить по проселочным дорогам в одиночку, особенно женщине. Пожалуй, тетка права – не хватало еще упасть в обморок на такой удушающей жаре. Калли попробовала развлечь себя мыслью о том, что некрасивая мисс Соммерс пробудит неуправляемую страсть в любом мужчине, который увидит ее распростертой в пыли. Нет, ей необходимо сохранить ясную голову, если она хочет дойти до почты и вернуться домой, прежде чем ее хватятся. Так что больше никаких фантазий, пока она не очутится в своей спальне, где можно в тишине поработать над следующей книгой. Сегодня даже тетка сомлела от жары, и Калли – редкий случай! – получила возможность поступать, как ей захочется. Совсем скоро она узнает, опубликуют ли роман, над которым она так долго трудилась втайне от всех. Да, жара и зной вполне могут окупиться, если мистер Реддел согласится опубликовать ее рукопись.

Несмотря на жару, она взволнованно подпрыгнула на месте, вспомнив, как он похвалил ее произведение, назвал его многообещающим. Он, конечно, предложил кое-что исправить и улучшить, но ведь и не отказал наотрез! Может быть, она сможет зарабатывать столько, что через какое-то время снимет небольшой домик, где будет жить одна, найдет себе друзей, станет работать в саду и готовить все, что ей захочется. Мечта настолько заняла ее, что она не услышала цокота копыт взмыленного коня, пока конь не поравнялся с ней и резко не остановился.

Седок выругал коня безмозглым ослом и послал его к дьяволу, а у Калли неожиданно закружилась голова. Потрясенная до кончиков пальцев звуками этого мужского голоса, она застыла на месте, точно громом пораженная. Она ни за что не обернется! Всадник, который сдерживал норовистого коня, наверняка успел заметить ее старомодную шляпку и выцветшее платье. Потом он извинился за то, что богохульствовал при даме, чего потрясенная Калли даже не слышала. Нет-нет, не может быть! Гидеон сейчас очень далеко, скорее всего, в Лондоне, а ее нагнал какой-то незнакомец. Обернувшись, чтобы удостовериться, что ей пригрезился кошмар, Калли поняла, что ошибалась.

– Ах ты, дьявол, – без выражения произнесла она.

Ей показалось, будто кровь отхлынула от головы в усталые, запыленные ноги... Черные пятна заплясали перед глазами... Сердце на жаре колотилось так громко, что стук отдавался в голове. Несмотря на зной и духоту, по спине побежали мурашки.

– К-какая я сентиментальная, – с трудом проговорила она слабым голосом. Даже зажмурившись, она по-прежнему видела его перед собой, как будто его образ отпечатался у нее на века. Да, перед ней в самом деле Гидеон!

После долгих лет, после стольких бессонных ночей, когда она попеременно тосковала о нем и жалела о том, что они вообще встретились, он вернулся, и ее тело снова мучительно жаждет его. Калли позволила мраку поглотить себя, и он наконец исчез.

Глава 2

Гидеон с трудом удерживал на месте измученного коня. Женщина, которую леди Виржиния велела ему разыскать, с которой она велела ему договориться, едва завидев его, увяла, как сломанный цветок. Гидеон старался усмирить бешено бьющееся сердце. Можно подумать, что конь ударял в него копытами – правда, его копыта находились в опасной близости от упрямой головы Калли.

– Подумать только, а я боялся, что не найду тебя здесь, – негромко заметил он, когда ему наконец удалось успокоить коня.

Сердце у него заныло. Никто не мог обвинить в истеричности ту Каллиопу Коммерс, которую он знал! Может быть, сэра Гидеон Лорейн еще хуже, чем казалось ему самому, раз жена упала в обморок, увидев его впервые за девять лет. Осталась ли хоть какая-то надежда для его черной души?

– И вам доброго дня, леди Лорейн, – пробормотал он, гадая, что подумали бы знатные клиенты о «мистере Фредерике Питерсе», узнав его настоящее имя.

Последняя мысль слегка рассмешила Гидеона: его нынешнее имя едва ли можно назвать истинным, и все же именно так он предпочитал себя называть, когда сбрасывал все маски. Сейчас уже поздно везти ее куда бы то ни было, чтобы спасти от самого страшного кошмара... Он стал наблюдать за женой. Она дышала ровно, и его дыхание более или менее успокоилось. Сердце снова сжалось, когда он с горечью вспомнил, как она однажды повелела ему больше не показываться ей на глаза до конца жизни. Можно подумать, он услышал от нее приказ убираться совсем недавно. С тех пор она упорно не отвечает на его письма – значит, по-прежнему считает, что это он виноват во всех их невзгодах. И все же будь он проклят, если сейчас ускачет прочь и бросит жену на дороге, где на нее наткнется любой злодей или дурак... Нет, он не может ее оставить!

Гидеон спешил и, по-прежнему унимая ноющее сердце, присел рядом с женой на корточки. Изнутри поднимался страх за нее, который свидетельствовал о том, что Калли по-прежнему ему безразлична. Он нахмурился, заметив круги у нее под глазами, затем его взгляд задержался на ее длинных изогнутых ресницах. Он вспоминал, как эти ресницы по утрам щекотали ему лицо. Нет, не стоит предаваться таким мыслям, если он хочет сохранить здравый рассудок. И потом, она уже не прежняя тощая девчонка. Лицо немного округлилось, и вместе с тем черты стали определеннее: его похожая на жеребенка Калли выросла, а его рядом не было, и он не видел, как это случилось.

Конечно, и та, прежняя Калли была живой и хорошенькой; густые и блестящие черные локоны всегда выбивались из любой прически, как она ни пыталась их укротить. Ее темно-карие глаза были полны жизни и часто лучились озорством – или страстью, когда она бесстрашно бросала ему вызов. Как будто его тогда нужно было к чему-то призывать! Конечно, любой юноша должен был считать себя польщенным. Он был совсем юным и любил ее по-настоящему. Даже сейчас ни одна женщина не в состоянии сравниться с Калли. Он знаком со многими признанными красавицами, а одну или двух считал настоящими друзьями, но они не шли ни в какое сравнение с Калли, в которую он когда-то влюбился. Подруга его детства и отрочества была непоседой и любила приключения. Кроме того, она была такой хорошенькой, что сейчас у него разрывалось сердце при виде того, как мало осталось от прежней Калли в той женщине, которая неподвижно лежала на дороге.

Он внимательно смотрел на нее, ожидая, когда она очнется. А может быть, просто убеждал себя в том, что лучше подождать, чтобы получить возможность подольше полюбоваться ею? Ее женственная фигура оттенялась тонкой талией – бывало, ее талия умещалась в кольцо ладоней, когда он помогал ей спешиться во время тайных прогулок, куда она приезжала верхом

на спокойном гнедом коне ее деда. Фигура почти не изменилась... Впрочем, он сумел кое-что заметить только потому, что при падении задралось ее платье с высокой талией. Какая глупость – или, наоборот, мудрый ход – носить платья, совершенно скрывающие фигуру! Тем меньше шансов, что на нее будут жадно смотреть мужчины-хищники... такие, как он, например! А ведь он посылает ей немало! Он настоял, что будет высылать ей пособие, еще в те дни, когда работал клерком, а затем начинающим адвокатом без постоянной практики. В последние годы размер содержания значительно увеличился... Интересно, на что она тратит деньги? Во всяком случае, не на одежду – судя по тому, что она носит. Платье, очевидно, стиралось столько раз, что белая хлопчатобумажная подкладка пожелтела, а простой узор из золотых розочек полинял. И фасон так давно вышел из моды, что носить его просто неприлично. Возможно, его так потряс ее неожиданный обморок, что он невольно обращает внимание на мелочи. И все же, как только она придет в себя, он непременно ее расспросит. Правда, солнце палит немилосердно; возможно, она просто не захотела пачкать хорошее платье, бродя по тропинкам в этом захолустье.

– Калли, что ты опять задумала? – пробормотал он, привязывая коня к ближайшему дереву и мрачно глядя на нее, как будто мог прочесть ответ на ее мертвенно-бледном лице.

Лежащая в пыли, она выглядела ужасающе хрупкой. Судя по тому, что грудь поднималась и опускалась, опасности для ее жизни нет, но... не слишком ли долго она без сознания? Больше всего ему хотелось поднять ее на руки, убрать с пыльной дороги и спасти от любой угрозы, какую представляет для нее жизнь. Сердце кольнула тоска: скорее всего, самой грозной для себя опасностью она считает его. Гидеона охватил ужас. Вдруг у нее какая-нибудь ужасная болезнь? Он посмотрел на ее чистую кожу и лоб без единой морщины... Нет, не похоже, чтобы она была больна. Остается единственный ответ. Она так его ненавидит, что подсознательно желает не встречаться с ним лицом к лицу.

Гидеон встал так, чтобы его тень защищала ее от солнца. Он долго смотрел на ее до боли знакомое лицо в форме сердечка, прислушиваясь к ее дыханию. Наконец он отвернулся. Он настоящий трус! Что, если она очнется, увидит его, поймет, что он не приснился ей в страшном сне, и ее лицо исказится от отвращения?! Подумать только – законная жена лежит без чувств у его ног, а он вожделеет ее, как неопытный юнец! Ему стало стыдно. Калли едва заметно улыбнулась во сне, когда он снова повернулся к ней. Ему показалось, будто она уплыла в какой-то иной мир, куда ему доступа не было. Он с трудом удержался от желания завывать, как пес, потому что она снова его отвергала... В голову пришли мысли о прошлом, которое уже не изменишь.

Калли плыла на мягком облаке, похожем на пуховую перину, а ангелы шепотом благословляли ее. На миг она действительно поверила, что Гидеон вернулся за ней. Вполне логично, что она слышит ангелов. Но почему один ангел смотрит на нее так сердито? И неужели ангелы в самом деле носят высокие трости черного дерева, неужели у ангела может быть копна бело-снежных волос и пронизательные темно-карие глаза? Сердитый ангел – точнее, ангелица – нахмурилась и заметила: ничего удивительного, что она злится на двух таких идиотов, как они с Гидеоном, ведь у нее помимо них есть и другие дела.

«Просыпайся сию минуту, моя дорогая, и перестань вести себя как дурочка. Ты несчастна без него с тех самых пор, как прогнала его, так что вставай и посмотри ему в глаза. Кстати, тебе полезно будет узнать кое-что новое», – с суровым видом приказало ей видение, и Калли нахмурилась, потому что в голову вдруг пришла мысль: может, и в самом деле очнуться?

Пуховое облако улетучилось, и ей стало гораздо труднее не думать о Гидеоне. Облегчение, когда она со вздохом упала в обморок, прошло. Калли невольно наморщила нос, возвращаясь в реальный мир. Судя по всему, она лежит на таком месте, которое не подходит для настоящей леди – жестко и слишком много камней. Как будто ей больше нечего делать!

– Убирайся, – хрипло прошептала она, надеясь вернуться на пухлое облако, хотя внутренний голос предупредил: не стоит подчиняться приказам драконоподобной ангелицы.

– Убрался бы, если бы смог, – отозвался голос Гидеона, и сердце у нее екнуло. Она вспомнила, почему потеряла сознание. Наконец она осторожно приоткрыла глаза: неужели она услышала в голосе мужа сожаление? Ей показалось, что он одновременно рядом с ней и где-то далеко... подобные уловки совершенно в его духе!

– Что ты здесь делаешь?! – Калли опрометчиво тряхнула головой, и перед глазами тут же поплыли радужные круги; она поняла, что еще не до конца пришла в себя, и застыла в неподвижности.

– Прямо к сути, как обычно, – устало похвалил ее муж.

Она посмотрела на него: он возвышался над ней. В его серо-зеленых глазах она прочла озабоченность и досаду. И все же она еще не могла заставить себя посмотреть ему в лицо. Может быть, через минуту-другую к ней вернутся смелость и хладнокровие и она смешает их в нужной пропорции... А может, этого и не случится вовсе, скептически прошептал ее внутренний голос. Она сама не понимала, ее ли это голос, или он принадлежит властной ангелице, которая только что беседовала с ней.

– Если ты не против, что я тебя перенесу, ты гораздо быстрее придешь в себя в тени.

– Тогда быстрее, – приказала она с видом поверженной королевы и властно взмахнула грязной рукой.

– Ваше высочество, счастлив повиноваться, – пошутил он, подхватывая ее на руки с такой легкостью, словно она была сделана из золотой пылицы.

Калли прекрасно понимала, что она вовсе не бесплотна, и ощутила его силу, когда он оторвал ее от земли и глазом не моргнув. Должна ли она сносить оскорбления от такого сильного великана? Тот Гидеон, которого она помнила, был стройным, как молодое деревце; и его мысли были для нее открытой книгой. Мужчина, который держал ее сейчас на руках, оставался для нее полной загадкой. Зато тело моментально отреагировало на его близость, как будто признало его... Нет, так не пойдет! Калли тяжело вздохнула, чувствуя, как в ней снова оживают любовница и жена в горячем приливе желания. Придя в ужас от собственной реакции на его близость, она стала вырываться, и он севшим голосом велел ей лежать спокойно, иначе он ее уронит. Когда-то он был солнцем, а она – луной; причиной, по которой утром она вставала, а ночью засыпала, если, конечно, им хватало времени на сон. И сейчас ей хватит ума во второй раз не подпасть под его чары! Конечно, ей хватит на это здравого смысла. Как только она сможет самостоятельно переставлять ноги, она уйдет и докажет, что он для нее ничего не значит.

– Гидеон, поставь меня на землю. – Неожиданно для нее самой голос ее дрогнул. – Отпусти меня. Я не ребенок.

– В таком случае перестань вести себя как ребенок, – рассеянно посоветовал он, как будто сейчас, когда он нес свою жену в тень, он думал о более важных вещах.

– Ведь тебе не терпится поскорее ускакать прочь и еще на девять лет забыть о моем существовании, – по-детски укорила она и тут же пожалела, что вовремя не прикусила язык. Кое о чем лучше помолчать.

– Каллиопа, ты ко мне несправедлива. Как я мог забыть тебя?

Она не поверила его словам, решила, что он над ней издевается. На долю секунды на глаза навернулись слезы, но при мысли о том, что слезы оставят дорожки на грязном лице, она поморщилась. Посмотрела на рожицу, куда он нес ее. Слезы высохли. Она способна выгнать его из своей жизни, избавиться от него, как от старой тряпки. Наверное, лучше всего солгать, что у нее есть любовник. Тогда он почувствует себя опозоренным и скорее уедет... Только она никогда в жизни не встречала другого мужчину, с которым чувствовала бы себя как с Гидеоном. Не прояви она осторожность, она бы стала одной из тех женщин, которые полдня

валяются на диванах, а оставшееся время плавают по дому, словно облачка. Она надеется на невозможное... а разве это не напрасная трата времени?

– Знаешь, ходить я еще в состоянии, – срывающимся голосом произнесла она.

– Конечно, – ответил он, и веселые огоньки заплясали в его серых глазах с зелеными искрами – такие искры способна увидеть только близкая ему женщина.

Воспоминание о близости с ним сжало ее сердце. Теперь он выглядел и говорил почти знакомо. Калли невольно вспомнила, как они часами глядели друг на друга и не могли наглядеться – или просто лежали рядом, тесно прижавшись друг к другу, пока желание не становилось слишком горячим... При воспоминании об этом она затрепетала даже сейчас, по прошествии долгого времени. Нет, так ей не удастся сохранить хладнокровие! Ему от нее что-то нужно. Им предстоит разговор о деле... Неплохо, что он сейчас скрывает свое истинное «я»; так ей будет проще снова ждать, когда он в очередной раз уедет.

– Возможно, я не самый лучший муж, но я не собираюсь смотреть, как моя жена ковыляет по округе в полубоморочном состоянии, словно пьяница.

– Чушь, я отлично переношу солнце!

– Ну конечно, – мягко согласился он.

Как вышло, что она реагирует на его улыбку, пока он снова утешает ее, как капризную девочку?

– Когда я тебя увидела, то испытала такое потрясение, что потеряла сознание, но я прекрасно чувствовала бы себя, если бы ты не застал меня врасплох, – объявила она, нахмурившись.

– Значит, радость настолько переполнила тебя, что при виде меня ты потеряла сознание?

– Не радость, – отрезала она.

– Понимаю.

– Какого дьявола ты здесь делаешь, Гидеон?

– Вот теперь я узнаю Калли Соммерс! А ведь еще несколько минут назад мне казалось, будто я принял за тебя кого-то другого.

– Я в самом деле стала другой, – проворчала она, убеждая себя, что все к лучшему.

– Судя по всему, нет, – поддразнил он. – Мне кажется, что ты совсем такая, как она.

– А вот и нет, – возразила Калли. По крайней мере, она стала другой с тех пор, как Гидеон надел ей на палец кольцо и в Гретна-Грин их объявили мужем и женой.

– Совершенно верно, теперь ты Калли Лорейн, – без выражения ответил он, и Калли внушила себе, что все к лучшему. Хотя бы одному из них следует держать чувства в узде, а про ее чувства такого никак не скажешь.

– Я потратила много времени на то, чтобы ее забыть, и мне это прекрасно удалось без мужа, который указывал бы мне, что и как делать, – не сдавалась она.

– Как будто мне когда-нибудь удавалось запугать, убедить или заставить тебя сделать то, чего ты не хотела! Ты всегда была сама себе хозяйкой, Каллиопа, и даже еще глупым птенцом я никогда не хотел, чтобы ты была другой.

– Понятия не имею, почему мать дала мне такое нелепое имя, – заметила Калли, чтобы отвлечь их от воспоминаний о том, как он любил ее, когда они бежали в Гретна-Грин. Больно думать о прошлом и гадать, могли ли они стать хорошей семьей, будь жизнь не так жестока. – Зачем было называть меня в честь музы? С таким же успехом она могла бы привязать мне на шею мельничный жернов!

– К счастью, у тебя красивый голос и ты любишь стихи – совсем как та муза, в честь которой тебя называли! Может, ей просто понравилось имя. Мне оно нравилось всегда.

– Но как же ты дразнил им меня, когда был противным мальчишкой! Будь у меня дар к эпической поэзии, ты бы перестал таскать меня на руках, как младенца?

– Потому что тебя называли в честь богини?

– Нет, потому что я тебя просила. Верно, раньше я хотела стать бардом и жить в такое время, когда женщин воспринимали всерьез. Но мне никогда не хотелось быть музой и иметь многочисленных сестриц с труднопроизносимыми именами – мы бы постоянно ссорились.

Гидеон не знал, насколько она серьезна, а Калли решила, что нечестно застыть у него на руках, пока он смеется. Ее постепенно сковывало, словно льдом, и она все больше отдалялась от него – а ведь ему почти удалось разоружить ее лестью. Разве не стоит воспринять произошедшее как очередной знак, что ей нужно быть осторожной? Лучше всего не забывать о том, что он стал профессиональным юристом и, по слухам, берется за самые безнадежные дела... Как бы там ни было, они уже не смогут стать друзьями. По крайней мере, тогда ей будет не так больно, когда он снова уйдет.

Она метнула на него испепеляющий взгляд, и он поставил ее так бережно, словно она была сделана из тонкого фарфора. Затем он отступил на шаг и шутливо поклонился.

– А теперь уходи, – сурово приказала она.

– Я не оставил бы в такой глухомани даже твою тетку, рискуя сделать ее жертвой любого злодея, какой окажется поблизости! А твоя тетка, если помнишь, мне никогда не нравилась... Так неужели ты думаешь, Калли, что я оставлю тебя?!

– Я – не моя тетка, – рассеянно ответила она.

– Дорогая моя, за это я ежедневно благодарю Всевышнего.

– Я тебе не «дорогая»... и не богохульствуй.

– Но мне бы очень не хотелось жениться на твоей узколобой и унылой родственнице, дорогая.

– Она поддержала меня, когда рядом никого не осталось. Кроме того, повторяю: я тебе не «дорогая», – сухо ответила Калли. Интересно, прочен ли пень, на котором она стоит? Можно ли топнуть ногой и показать ему, что ей неприятны фальшивые ласковые обращения, которые так легко слетают с его губ? Решив, что у нее снова закружится голова и она упадет, Калли передумала топтать ногой и вместо того попыталась посмотреть на него сурово-равнодушным взглядом. Видимо, ничего не получилось; Гидеон с трудом скрывал усмешку.

– Может быть, позволишь мне вольность, которая доступна женатому мужчине – то есть поделиться с тобой своими мыслями? – Он изобразил мужа-подкаблучника.

– А может, не позволю, – отрезала она.

– Что, Каллиопа, боишься, что мои мысли тебе не понравятся?

Калли пришла в ужас. Как же хорошо он ее знал! Она фыркнула и трянула головой. Пусть знает, что ей совершенно все равно. Она тут же пожалела о своей неосторожности. Судя по шуму в ушах, она еще недостаточно пришла в себя, чтобы гордо удалиться и оставить в пыли несчастного рыцаря, который спешил, чтобы спасти ее.

– Если и так, у меня нет никакого желания их выслушивать.

– Да уж, не сомневаюсь, – проворчал он, поворачиваясь к ней, затем он достал из сумки, притороченной к седлу, фляжку.

– Гидеон, не вздумай вливать в меня бренди! – воскликнула она.

– Я не балуюсь спиртным, – ответил он, передавая ей фляжку с чистой водой, согревшейся в пути. В последние дни их совместной жизни он пил слишком много вина...

Когда она вспомнила, каким злым он становился, когда напивался, ее передернуло. Нет, он ее и пальцем не трогал, но при мысли о мраке и отчаянии холод пробрал ее до костей.

– Воздержание от спиртного тебе во благо, но не притворяйся, будто это имеет какое-то отношение ко мне. Если бы тебя хоть немного заботили мои желания, ты не приехал бы сюда и не нарушил бы мой покой, – проворчала Калли, скрывая смятение.

– Пока еще я не могу уехать, но тот пьяный, упрямый мальчишка, каким я был тогда, мне отвратителен, и уверяю тебя, я постарался от него отделаться. Сомневаюсь, что его кто-нибудь оплакивает.

«Его оплакивала я, – мысленно возразила Калли, чей внутренний голос упорно отказывался молчать. – Я плакала, пока не засыпала, потому что его слишком долго не было рядом со мной по ночам. Но потом я поняла, что он больше не вернется, потому что я сама прогнала его».

– Дьявол побери, но ведь я злодей, который докучал тебе, когда тебе так плохо, как только могло быть! – воскликнул Гидеон.

Ну вот – он снова стал ее Гидеоном, вспыльчивым и страстным молодым человеком! Едва у него на лице появлялась такая самоуничижительная улыбка, и под ней подгибались колени... А его любовь к безрассудным выходкам превращала их совместную жизнь в цепь сплошных сюрпризов, которые приносили не только радость, но иногда и ужасали...

– Полно тебе, женушка, давай отвезем тебя домой, не дожидаясь, пока ты во второй раз за день упадешь без сознания к моим ногам, – очень кстати добавил он.

Калли снова посмотрела на него исподлобья, гадая, удастся ли ей когда-нибудь заставить себя жить с мужчиной, который так привык настаивать на своем. Как ни странно, она поняла: подобная жизнь вполне могла бы ей понравиться, сложись у них все по-другому.

– Стоит тебе показаться у нас, тетя Серафина точно упадет в обморок, – предупредила она. – Ты можешь просто снова ускакать; никто ничего не узнает, – в отчаянии предложила Калли. Она так привыкла влачить жалкое существование почти в полном одиночестве, что мысль о возможных переменах показалась ей странной и немного пугающей.

– Мы-то ведь знаем, – возразил Гидеон, как будто его слова решали дело.

– Да, – вздохнула она, – мы-то знаем.

Глава 3

Гидеону с огромным трудом удалось уговорить Калли сесть в седло, чтобы он вел коня в поводу. Интересно, сумеют ли они забыть о вечных распрях и взаимных придирках достаточно надолго, чтобы склеить осколки разбившейся семейной жизни? Он призвал на помощь всю выдержку, какой научился за много лет существования без Калли. Надо чаще вспоминать о том, каким он стал, и меньше думать о волшебном клее, который по сути сводился к тому, чтобы меньше ее любить. Сейчас они с Калли хотя бы разговаривают, пусть даже сухо и раздраженно. Припоминая их прошлые ссоры, он поочередно испытывал знакомые чувства – и нечто совершенно новое. Иногда он жалел о том, что не перекинул жену, пока она была еще без сознания, через луку седла и не увез ее, как пират – принцессу.

– Тебе удобно? – спросил он, когда молчание стало таким напряженным, что он не мог его больше выносить.

– А ты как думаешь? – огрызнулась она. – Лучше бы посадил меня верхом, как я просила, а не сажал, как куклу, боком!

– Чтобы половина всех уилтширских парней пялилась на твои ноги? Ну уж нет, – с трудом выговорил он. Стоило ему представить себе такую картину, как его кольнула ревность.

– Вряд ли кто-нибудь захочет любоваться моими ногами, когда увидит все остальное. – Она отряхнула пыльное платье.

Конь под ней плясал, и нервы у Гидеона, и без того натянутые, как струны, готовы были лопнуть. Он очень старался взять себя в руки. В то же время надо было успокаивать идиота коня, сдерживать его, чтобы он не тратил силы напрасно.

– Еще как захочет. Выглядишь великолепно, – сдавленным голосом проговорил он. – Калли, ты и девушкой была прехорошенькой, а сейчас ты просто красавица, – продолжал он и испытал смешанные чувства, услышав, как она недоверчиво хмыкнула. Интересно, облегчит ли задачу ее ревнивому и в высшей степени властному мужу то, что она, по-видимому, считает себя дурнушкой? Если ему когда-нибудь удастся вернуть ее, конечно.

Однако, если она сама не понимает, как она хороша, стоит ей появиться в высшем обществе об руку с ним, на нее начнут охотиться все светские волки! По здравом размышлении, его жизнь превратится в ад, пусть даже Калл и пока не понимает, какое действие оказывают на мужчин ее милое личико, женственная фигура и упорное неверие в собственную привлекательность. Он едва не зарычал вслух при мысли о том, что до конца жизни придется всюду ходить за ней по пятам, как властному жеребцу, давая всем понять, что она его супруга и он не намерен ею делиться. Правда, сейчас он ставит телегу впереди лошади... На какое-то время лучше забыть обо всяких планах, чтобы надежда снова не рухнула и не разбилась вдребезги.

– Гидеон, тебе что, больно? – с невинным видом спросила она. И что ему прикажете делать с такой странной смесью наивности и искушенности в жене, с которой они девять лет живут раздельно?

– День был трудный, – ответил он, пожимая плечами.

– А будет еще труднее, – предупредила она, когда впереди снова показался «Кейтерет-Хаус». И она оказалась права, хотя вовсе не в том смысле, какой она имела в виду.

– Да уж, – отозвался он. – Твоя тетка меня и теперь терпеть не может? – Можно подумать, это сейчас самое главное. Правда, при мысли о том, что Калли – его законная жена, он решил, что сейчас не способен ни с кем общаться, и меньше всего с ней самой.

– Да, она не доверяет мужчинам, чему я не удивляюсь, когда вспоминаю ее покойного мужа.

– Кстати, а почему она все же вышла замуж за Бономи Бартла? Детей у них не было, так что сомневаюсь, что они вынуждены были пожениться из-за ребенка, как мои родители. Я и

раньше гадал, что они друг в друге нашли; по-моему, они ненавидели друг друга почти так же, как мои родители.

– Дедушка рассказывал: Серафина сама настояла на том, что выйдет за него, хотя он умолял ее не спешить... Наверное, вначале она его все-таки любила. Никто не заставлял ее выходить за него замуж, и я тоже не знаю, что она в нем нашла, но почему вообще женятся те, кто не должен?

– Наверное, потому, что хотят прожить вместе всю жизнь, – ответил Гидеон и обругал свой неуклюжий язык, увидев, что она поспешно опустила голову.

– Мистер Бартл считался наследником богатого баронетства, но потом его двоюродный дед женился на молодой и начал, несмотря на преклонный возраст, плодить наследников одного за другим.

– Значит, они вовсе не разбогатели и разочаровались друг в друге?

– Да, но я не думаю, что хотя бы один из них с самого начала сходил с ума от любви.

– Да, наверное, – согласился он, не желая развивать эту тему дальше, хотя то, что Калли по-прежнему упорно отворачивалась от него, крепко сжимая поводья, подсказало ему, что она ждала продолжения. «Вот мы сходили с ума от любви», – возразил сидевший в нем идиот, и Гидеон, все больше злясь, приказал ему заткнуться, тем более что они подъехали к дому.

– Где конюхи? – Гидеон нахмурился, оглядывая грязный двор, затоптанный овцами.

– Тетя Серафина говорит: из-за войны все так дорого, что мы не можем себе позволить держать и разнорабочего, и конюха. Зато у нас есть несколько горничных и хорошая кухарка; по мнению тети, кухарка необходима, чтобы кормить молодых леди здоровой пищей.

– А ее любовь к вкусной еде тут ни при чем, наверное? Калли, как ты распоряжаешься пособием, которое я тебе выделяю? Судя по всему, на себя ты почти ничего не тратишь... Надеюсь, ты не заразилась скупостью от своей скряги-тетки.

– Как старшая учительница я назначила себе скромное жалованье, но его не хватает, чтобы выглядеть так, как ожидаешь ты, Гидеон. – Похоже, она обиделась или решила, что он намеренно старается ее задеть. Гидеон снова невольно задумался о том, кто из них двоих больше выиграл после их разезда. Вспомнил он и предостережения Виржинии о тетке Калли.

– Сначала я мог посылать тебе совсем немного, но достаточно на приличную одежду и на то, чтобы ты могла окружить себя хотя бы скромными удобствами. Но в последнее время я посылаю тебе столько, что ты без труда могла бы снять дом вдвое больше этого и одеваться модно.

– В самом деле? Почему же я тогда ничего не получаю?

– Интересный вопрос, тебе не кажется?

Калли задумчиво посмотрела на него. Они повернули за угол. Гидеон увидел небольшую конюшню. В стойлах стояли две хорошие упряжные лошади и три толстых пони; все повернули к ним головы.

– Вы держите пару упряжных лошадей, а где же лошади для верховой езды? Калли, как ты это терпишь? – спросил он, вспоминая, как Калли любила ездить верхом. Какие еще лишения она вынуждена сносить все эти годы? Да, она сама прогнала его, но он, по трусости своей, воспользовался ее словами и не пытался ее разыскать...

– Я давно уже не безрассудная девчонка. Я выросла.

– В самом деле? Калли, ты когда-нибудь задумывалась, что ты предпочла жизни со мной?! О да, ты, наверное, хочешь побольше меня уколоть! Судя по тому, что я вижу, здесь ты жертвуешь всем, а твоя тетка купается в роскоши.

– Она поддержала меня, когда остальные от меня отвернулись! Мы с ней остались вдвоем, и она нашла нам дом в то время, когда мне нечему было радоваться...

– Без тебя она не сумела бы снять такой удобный дом, тебе не кажется?

– Нет, Гидеон, ты не понимаешь. Школа приносит разумный доход, но у меня нет никакого желания блистать в местном обществе. Тетя любит делать визиты; в гостях она рассказывает о нашей школе родителям будущих учениц. Она взяла на себя деловую сторону предприятия, а я – учебную. Я преподаю науки девочкам, которых вверяют нашим заботам. Как видишь, мы прекрасно обходимся без тебя.

– Значит, ее слову ты веришь больше, чем моему?

– Нет, конечно нет, – нерешительно возразила Калли и.

Гидеону пришлось прикусить губу, пока он помогал ей спешиться, а потом поддерживал ее, чтобы она не упала. Сегодня его жена перенесла сильное потрясение. Если его подозрения справедливы, вскоре ее ждут новые открытия.

– Мы с ног сбились, пока искали тебя... Куда ты подевалась? – Тетя Серафина укоризненно покачала головой, как только они с Гидеоном зашли в дом и очутились в прохладном холле «Кейтерет-Хаус» с плиточным полом. – Каллиопа, тебе надо было заняться чем-нибудь в доме в самую жару, если уж непременно хотелось найти себе дело.

– Тетя, я не нахожу себе места и скучаю по нашим ученицам. Кстати, обратите внимание: у нас гость. Не сомневаюсь, вы не хотели бранить меня в его присутствии, – сказала Калли.

Гидеон оказался прав; тетя Серафина давно заметила, что племянница вернулась на чужом коне, которого вел в поводу незнакомец в рубашке с закатанными рукавами. Да и горничные наверняка засуетились, заметив в их глуши незнакомое мужчину, тем более такого красавца, как Гидеон. Им хватит пищи для сплетен на целую неделю! Серафина наверняка решила выждать и оценить ситуацию. Теперь Калли знала тетку гораздо лучше, чем в детстве, когда Серафина Бартл относилась к ней довольно равнодушно; и такой взгляд на лице тетки она уже замечала прежде. Узнав Гидеона, тетка испугалась, и теперь, прежде чем признать незваного гостя, она размышляет, как обернуть положение к своей выгоде. В прежние времена Калли непременно взвалила бы вину за напряженную обстановку на него, но теперь она уже не была уверена в том, что во всем виноват ее муж – особенно после того, как почувствовала ярость со стороны ее всегда такой хладнокровной родственницы.

– Молодой человек, я решила притвориться, будто вас здесь нет. Наверное, так будет лучше для всех. Вы еще больший наглец, чем я думала, раз посмели приехать сюда! Неужели после всего, что вы натворили, вы рассчитываете, что вас примут?! – Тетя Серафина распекала Гидеона, как будто он был нашкодившим ребенком.

– Тетя Серафина, мой муж имеет полное право здесь находиться, – объявила Калли.

Одна из горничных, которая подслушивала на лестнице, тихо ахнула, а другая ткнула ее локтем в бок, чтобы помалкивала – так можно подслушивать и дальше. Калли, конечно, догадывалась, в какое смятение привели девушек ее слова. Оказывается, у мисс Соммерс есть муж, да еще какой!

– Этот человек недостойн того, чтобы чистить тебе обувь, не говоря уже о том, чтобы вламываться к нам с победоносным видом.

– Миссис Бартл, поскольку я не принадлежу к числу любителей перемывать грязное белье на людях, для продолжения разговора предлагаю найти более укромное место, – вежливо, но властно проговорил Гидеон.

Его новые манеры настолько ошеломили всех, что Серафина даже не успела возмутиться из-за того, что он назвал ее подлинным именем, – здесь ее называли миссис Гришем. Они втроем поспешно перешли в малую гостиную и закрыли за собой дверь.

– Итак, молодой человек, намерены вы объясниться? Хотя... кого я спрашиваю?! – произнесла тетя Серафина голосом, от которого дрожали школьницы. Но на Гидеона он совсем не подействовал.

– Позже. Сейчас вашей племяннице больше всего нужны покой и освежающая ванна – она переутомилась. И если вам хотя бы наполовину небезразлично ее благополучие, как вы много лет внушаете всем, вы сейчас же прекратите спорить со мной и прикажете, чтобы о ней позаботились.

На миг в тщательно прибранной гостиной воцарилось такое напряженное молчание, что Калли, как ни странно, повеселела. Атмосфера сгустилась и стала предгрозовой. Неужели она уже не так верит тетке? Серафина первая отвела глаза от ледяного вызова в глазах Гидеона и взмахнула рукой с длинными пальцами, словно признавая, что она проиграла сражение, но не войну.

– Каллиопа в самом деле очень бледна, но ведь это вы потребовали перейти сюда, чтобы обсудить какие-то дела, отлично понимая, что ей лучше всего отдохнуть перед ванной. Зовите горничных! – произнесла тетка, видимо успевшая прийти в себя после неожиданного приезда Гидеона и повелительного вида, с каким он входил к ней в дом.

– Значит, мадам, вы даете мне карт-бланш и позволяете навести свои порядки в вашем доме? Не кажется ли вам, что вы поступаете довольно опрометчиво?

– Что мужчины смыслят в домашнем хозяйстве? – фыркнула тетя Серафина, и Калли напомнила себе, что тетка и муж всегда пробуждали самое худшее друг в друге.

– Хватит, – устало произнес Гидеон, так удивив Калли, что она снова посмотрела ему в лицо. Когда-то домашнее хозяйство увлекало его не больше, чем планы уехать в Америку. Теперь же он спокойно позвонил, вызвав горничную, приказал подать чай, приготовить ванну. Заодно он обсудил с кухаркой легкий ужин, да так быстро, что тетя Серафина не успела пожалеть о своем поступке и снова взять бразды правления в свои руки. Калли понимала, что, отказавшись быть его женой, она невольно способствовала его превращению в такого само-достаточного мужчину. Странно, почему сейчас она скучает по тем дням, когда он выглядел совершенно беспомощным и поминутно ждал, что она исправит его бездумные холостяцкие привычки?

– Готова признать, что вы изменились хотя бы в одном отношении, что, впрочем, еще ничего не доказывает, – сурово заявила тетя Серафина.

– Вам, мадам, я ничего доказывать не обязан, – сухо ответил Гидеон, и все застыли в напряженном молчании. Они сидели так, пока не вошла горничная и не объявила, что налила ванну для Калли.

* * *

– Все готово, мисс... то есть мадам! – бойко отрапортовала Китти, горничная верхних покоев.

– Спасибо, Китти. Я вполне смогу управиться сама, – тихо ответила Калли, отказавшись от безмолвного приглашения поделиться своими секретами. – Можете идти, – продолжала она, видя, что любопытная молодая женщина по-прежнему не сходит с места. Неужели ей так хочется послушать новости?

– Может, потереть вам спинку, мадам? Ах нет, конечно, теперь у вас для этого есть муж! – как ни в чем не бывало продолжала нахалка.

– Китти, если не хотите, чтобы вас уволили без выходного пособия, подумайте о своем поведении и исполняйте приказы! – ответила Калли, спокойно глядя горничной в глаза.

Девушка еле заметно присела и ушла, показывая, что нисколько не боится. А ведь когда Китти пришла к ним просить место, она очень сильно нуждалась. Она буквально умоляла взять ее на работу. За несколько месяцев ей удалось сделать головокружительную карьеру: от судомойки до старшей горничной. Калли подозревала, что Китти выведала какие-то теткинские тайны, которые помогли ей так стремительно вырасти. Она вздохнула. Наверное, следует обра-

щать больше внимания на то, что творится вокруг нее. Недавно несколько школьниц со слезами жаловались ей, что Китти подсматривает за ними и подслушивает их разговоры, а после выбалтывает их секреты миссис Гришем. Калли пошла к тетке, но та объявила, что Китти исполняет свой долг, и наказала девочек, а не горничную. Ну а что же она сама? Днем она преподавала, а по вечерам была поглощена своей книгой... Похоже, она специально загружала себя делами, чтобы не скучать по Гидеону – и из-за этого подвела учениц...

В самом начале, когда пришлось начинать жизнь заново без него, ей было больно даже дышать, потому что его не было рядом. Калли разделась и не спеша села в ванну – неслыханная роскошь! Она позволила себе неуместные мысли. Интересно, как Гидеон и ее тетка смогут сосуществовать под одной крышей хотя бы одну ночь? Они всегда терпеть друг друга не могли, и Калли часто задевало, что тетя Серафина не пыталась скрыть своей неприязни. Ей нужно как можно скорее спуститься вниз, пока дело у них не дошло до драки. Вскоре ее мысли плавно вернулись к новому, уверенному в себе и властному Гидеону. Погрузившись в прохладную чистую воду, Калли блаженно вздохнула и вдруг покраснела: она вспомнила, как Гидеон однажды уговорил ее принять ванну вместе и делал много такого, от чего вода проливалась на пол... Приходят ли к нему такие же чувственные воспоминания? Наверное, никакого благоразумие не в силах победить юного страстного красавца, который показал ей, как сладостно принимать ванну с любимым мужчиной! Правда, к его услугам, если у него проснется желание, всегда множество опытных красоток полусвета... Нелепо думать, что такой сильный мужчина прожил девять лет без женщины только потому, что очень рано и очень поспешно женился, о чем потом пожалел! Калли еще сильнее покраснелась, оглядывая себя и вспоминая его взгляды, которые как будто воспламеняли все ее тело. Каким он был неутомимым и изобретательным любовником!

Разумеется, смешно воображать, что он, обжегшись на молоке, дул на воду. Она каждую ночь засыпала с трудом, вспоминая его – своего мужа, своего единственного любовника. Неужели он так же мучился без жены в своей постели?

Конечно, он не стал бы обрекать себя на монашескую жизнь, тем более из-за женщины, которая сама прогнала его! Калли вздрогнула всем телом и велела себе не быть душой. У него наверняка есть любовница, которую он содержит в неге и роскоши. На нее он обильно изливает ту страсть, какую когда-то приберегал для жены. Куда легче любить красотку, которая не требует от него многого! Руки невольно сжались в кулаки; Калли представила, с какой радостью расцарапала бы его любовнице лицо. Ее затрясло при мысли о том, что какая-нибудь другая женщина без ума от ее мужа, ее возлюбленного...

С другой стороны... Если на свою даму полусвета он изливает хотя бы половину того пыла, какой когда-то доставался ей, несчастная наверняка сходит по нему с ума и живет от одного свидания до другого... Даже в их последние дни, когда Гидеон скорее ненавидел ее, чем любил, он по-прежнему вожделел ее... Калли обдало жаром, когда она вспомнила, как тосковала по нему все прошедшие годы. Какая нелепость – вот она лежит в ванне, мечтает о своем единственном и неповторимом возлюбленном, в то время как ей лучше подготовиться к очередной порции лжи и клеветы. Нет, нельзя сказать, что Гидеон когда-либо принуждал ее ложиться с ним в постель...

Она и прогнала его главным образом потому, что так сильно желала близости с ним. Нет, нельзя так зависеть от физической стороны брака! Это губит ее самоуважение. И потом, про них с Гидеоном уже нельзя сказать, что они родственные души. От таких мыслей волнение, какое они оба испытывали вблизи друг друга, покрывалось толстым слоем льда. Калли зажмурилась, заставила себя вспомнить все причины, почему ей больше не нужен муж, и медленно выдохнула. Ну вот, наконец-то она снова способна мыслить связно. Безумие – бояться рисковать и думать о том, как она снова будет носить под сердцем его ребенка. Но отказ от такого риска помогал ей удержаться в замкнутом мире, созданном теткой после того дня, как Гидеон

ускакал прочь. Все последние годы Калли притворялась, будто вообще никогда не была замужем.

– Слышишь, Гидеон Лорейн? Я больше не глупая девчонка, которая влюблена в одинокого волка, – прошептала она, задыхаясь от духоты. – И не мечтай, что тебе удастся снова вскружить мне голову и внушить, будто солнце восходит и садится в твоих глазах... Конечно нет, Калли, с чего бы ему считать тебя охваченной страстью глупышкой, когда ты сидишь здесь и гредишь о нем, как будто всякий миг, когда его нет рядом, потрачен для тебя впустую? – укорила она себя. – Не желаю больше быть такой дурочкой! – Тогда, много лет назад, ей было так больно, что больше она не хочет наступать на те же грабли.

Она вымыла голову и принялась усердно мылиться, пока не почувствовала себя чистой и освеженной. Затем она встала и побрызгалась самодельным ароматическим уксусом, настоящим на розмарине и яблоневои цвете. Постаралась хоть немного приручить свои буйные черные кудри. В такой жаркий день голова скоро высохнет. Она села на постель и стала причесываться. Очень не хотелось снова облачаться в многочисленные полотняные нижние юбки...

Волосы, высыхая, щекотали ей шею и спину, и ее бросало то в жар, то в холод при мысли о том, что Гидеон совсем рядом. Еще вчера она считала густые волосы скорее недостатком в такую жару, но сегодня Калли Лорейн словно проснулась после долгой спячки, и отогревшееся сердце снова заняло. Внутренний голос прошептал: утро вечера мудренее, в том числе для самых потаенных ее мыслей... Она глубоко вздохнула. Любимый совсем рядом. Ее затопила жаркая волна предвкушения... Она много лет гнала от себя такие мысли и образы.

Калли снова виновато вздохнула. Задолго до того, как она познала любовь, она испытывала приливы запретного волнения, едва завидев Гидеона Лорейна. Бывало, они с подругами Беллой и Лотти бегали по всей округе... Иногда они встречали Гидеона, который тогда считался главным озорником. Даже тогда такие случайные встречи становились для нее большими событиями. С раннего детства она тайно обожала этого долговязого полудикого мальчишку, а когда постепенно начала превращаться в женщину, ее чувства еще углубились. Она любила его; нет смысла притворяться, что речь шла о простой детской влюбленности, которая проходит с возрастом. Юная Калли не сомневалась: она создана для того, чтобы любить Гидеона Лорейна. Сейчас она его не любит, причем не любит уже давно... ведь так? Идеалистка, мечтательная Калли Соммерс поставила сердитого мальчишку на пьедестал. Не только он, но и она сама виновата в том, что Гидеон вовсе не оказался тем героем, каким она его считала. Она перестала причесываться и посмотрела в пространство, словно ища ответ на вопрос, почему она наделала столько глупостей, когда ей было семнадцать, а ему – восемнадцать. Истина в том, что одинокая неуверенная девочка созрела для того, чтобы упасть прямо к ногам совершенно ей неподходящего молодого человека. Может быть, именно поэтому их деды смотрели на их предполагаемый союз сквозь пальцы, а отец Гидеона делал все, что в его силах, чтобы им помешать. Разумеется, их брак восстанавливал порядок наследия; после такого брака Рейна оставалась в семье. И все же они с Гидеоном – живые люди; у них есть не только предки, но и сердца. Они вполне могли принимать такие судьбоносные решения самостоятельно.

Но они очень кстати полюбили друг друга; почему бы взрослым не поддержать их тогда? Чувства юных возлюбленных перехлестывали через край... они не способны были мыслить разумно. Калли невольно вспомнила, какой пустой, какой мелкой казалась ей жизнь без него. Громадность произошедшего, как прорванная плотина чувств, грозила смыть ее мощным потоком; в ушах стучала кровь. Только сейчас вместо дикой страсти ее заполняла огромная грусть. Она, как могла, старалась успокоиться и притвориться, будто ничего не было. И все же перед тем, как спуститься вниз, она надела самое легкое муслиновое платье и свободно уложила еще влажные волосы. Просто не хотелось скручивать их в тугий пучок – единственную прическу, которую одобряла ее тетка. В конце концов, она – не старая дева. Она леди Лорейн, и какой смысл притворяться, раз Гидеон здесь? Чувствуя себя немного больше похожей на жену баро-

нета, Калли спустилась вниз и сразу поняла, что муж одобряет небольшие перемены в ее внешнем виде: когда он встал ей навстречу, в его серо-зеленых глазах мелькнуло восхищение... и что-то еще.

Глава 4

– Хм... не уверена насчет твоей прически, дорогая, да и белое тебе не к лицу. И все же рада видеть, что ты выглядишь лучше, чем когда ты вернулась домой, – произнесла тетя Серафина, стоило Калли войти в гостиную, где они ждали ее с Гидеоном. Калли успела заметить, как нахмурился Гидеон, услышав тетку, и невольно задумалась.

– Предпочитаю укладывать волосы так, – хладнокровно ответила она. – Так прохладнее, а от многочисленных шпилек у меня болит голова.

– Я едва узнал тебя в той жуткой шляпке и с пучком. Так ходят гувернантки, – сказал Гидеон, как будто они расстались лишь несколько недель назад и он отметил незначительные перемены во внешности жены.

– Видимо, замужней женщине позволительны некоторые вольности, которые недопустимы для старой девы, дорогая Калли, – с сомнением согласилась тетя Серафина.

Жена сэра Гидеона Лорейна не может одеваться как школьная учительница.

– Пока он не приехал, твой скромный гардероб вполне тебя устраивал.

– Наверное, мне следовало раньше провести границу между скромностью и старомодностью, – возразила Калли, чувствуя себя мятежницей, когда вспомнила о долгих ночах, за которые она придумывала дерзких и решительных героев и проживала свою жизнь за них, притворяясь, будто чужих страстей ей хватает.

– Похоже, сегодня ты тоскуешь по той самой жизни, от которой просила увезти тебя с того дня, когда он бросил тебя одну и без средств к существованию, – едко заметила тетя Серафина, качая головой и показывая, как она сочувствует племяннице.

– Не уверена, – ответила Калли, и на долю секунды ей показалось, что взгляд тетки посуловел. Нет-нет, конечно же, ей показалось. Они не могли бы столько лет жить и работать вместе, если бы Серафина в глубине души ненавидела ее. – Тетя Серафина, я всегда буду благодарна вам за то, что вы поддержали меня, когда я так отчаянно нуждалась в поддержке, но я сравнительно молодая женщина, и мне позволительны маленькие слабости, тем более сейчас подходящий случай. – Калли улыбнулась.

– Конечно, дорогая, тебе придется простить беспокойную старуху, которая боится, что ты играешь с огнем.

– Едва ли можно сказать, что я выставляю себя напоказ, словно гурия, только из-за того, что сегодня я не заколола свою прическу многочисленными шпильками, – возразила Калли, которой трудно было представить, что кто-то счел бы вызывающим ее простое платье или скучную прическу.

– Рад видеть, что ты больше похожа на себя, дорогая, но миссис Бартл, очевидно, всерьез воспринимает свои обязанности компаньонки и наставницы, – вкрадчиво произнес Гидеон.

Калли вспомнила его слова: он уверял, что много лет посылал ей большие суммы денег... Покосившись на тетку, Калли заметила, что лицо у нее в испарине. Ну и что? Сегодня очень жарко, наверное, даже Серафина в такую погоду не в состоянии оставаться холодной и сдержанной.

– Разумеется, Каллиопа – моя племянница, – решительно заявила тетя Серафина. Когда-то миссис Бартл называла Калли «племянницей» так, словно оказывала ей огромное одолжение. Ей не хотелось признавать свое родство с внебрачной дочерью своей младшей сестры. То, что теперь она откровенно признавала истинное положение дел, убедило Калли, что произошло недоразумение.

– Спасибо, тетя, – искренне ответила она.

– Конечно... Поэтому вы, наверное, желаете ей счастья, – продолжал Гидеон так мягко, что Калли не поняла, почему тетка заерзала под его суровым взглядом. – Ведь так?

– Конечно. Именно поэтому я никогда не поощряла Каллиопу к тому, чтобы она искала общения с вами, – отрезала тетя Серафина, как будто решив начать военные действия.

– И может быть, вы поощряли ее и к тому, чтобы она не отвечала на мои письма?

Калли с большим трудом удалось не ахнуть вслух. Значит, он писал ей не один раз?! Одноединственное письмо способно было смягчить раны в ее сердце, но он, кажется, сказал «письма»? Они стали бы мостиком между прежними Калли и Гидеоном и новым миром, в котором она после его отъезда совершенно не ориентировалась. Она настороженно наблюдала за мужем и теткой, гадая, кто из них сейчас лжет.

– Понятия не имею, о чем вы, – буркнула тетя Серафина, но за ее невозмутимым фасадом были заметны красноречивые признаки волнения.

– У вас, мадам, весьма гибкая память! – усмехнулся Гидеон.

– Наоборот, очень негибкая в том, что касается вас, молодой человек! Для меня время не стерло ваши былые грехи, пусть даже моя племянница сегодня как будто забыла о них. Возможно, я и утаила пару писем от Калли, когда мы сюда переехали, но в то время она находилась не в том состоянии, чтобы читать ваши своекорыстные оправдания того, что вы тогда сделали.

Воспоминания о том, каким болезненным был тот период ее жизни, заставили Калли бросить на мужа испепеляющий взгляд и задуматься, почему она усомнилась в единственном человеке, который тогда поддержал ее.

– Благодарю вас, тетя Серафина. И я тоже не думаю, что можно как-то оправдать то, что ты сделал, Гидеон.

Он выдержал ее взгляд, как будто ему нечего было стыдиться, и вдруг Калли ощутила страшную усталость. Скорее бы он объяснил, что за дело привело его к ней, и уехал!

– Разумеется, нельзя, – ответила за него тетка.

Гидеон собирался что-то сказать, но тут вошла Китти и объявила, что ужин готов, – никто не успел произнести ни слова. За столом они вели лишь светскую беседу. В столовой постоянно присутствовали горничные; они то входили, то выходили, да и Китти наострила уши, надеясь что-нибудь подслушать, чтобы позже можно было посплетничать.

Калли с трудом досидела до конца ужина. Ей даже, несмотря на усталость, удалось не наговорить лишнего. Она чувствовала себя в сильном замешательстве всякий раз, как смотрела на Гидеона и гадала, прав ли он, выдергивая ее из той жизни, которую она привыкла вести без него. Может быть, тетя Серафина в самом деле хочет лишь защитить ее, Калли? Если бы ей самой нужно было выбирать: ложь во спасение или душевное спокойствие близкой родственницы... неизвестно, как бы она справилась с дилеммой, стоявшей перед теткой!

Калли вдруг ясно поняла: в таких вопросах она предпочла бы все решать сама. Она имела право знать, что Гидеон пытался связаться с ней и даже вернуть ее. Сначала она бы, конечно, ничего не стала слушать, а потом? Может быть, подумалось ей. Наверное, она достойна презрения, потому что проявила слабость... Но доверять тете Серафине, как прежде, она уже не может.

– По-моему, сегодня будет гроза, – объявила тетка, как только стало ясно, что никто больше не проглотит ни кусочка.

Калли понятия не имела, что ест, потому что мысли у нее блуждали. Видимо, отвечала она тоже невпопад. Дедушка пришел бы в ужас от ее сегодняшней невоспитанности. Интересно, заметил ли что-нибудь хоть один из тех, кто сидел с ней за столом. Очевидно, нет: оба были слишком поглощены тем, что не сводили друг с друга подозрительных взглядов, и совершенно не стремились поддерживать легкую застольную беседу.

– Ваш конюх уверяет, что еще несколько дней погода не изменится. Согласен, сегодня так душно, что в любой миг может начаться гроза, – сказал Гидеон, упорно не обращая внимания на то, что напряженная атмосфера за столом никак не связана с летней жарой. Он озабо-

ченно покосился на Калли, и она поняла: он, как может, старается не тревожить ее еще больше, сегодня она и так встревожена без меры.

– Гидеон, я уже не боюсь грома и молнии, как раньше, – произнесла она. После того как их крошечная дочка Грейс умерла, едва успев родиться, погода почти перестала ее волновать. Кроме того, ей часто приходится успокаивать перепуганных школьников.

– Рад слышать, однако ты выглядишь усталой, дорогая. Наверное, нам всем лучше лечь спать пораньше и постараться выспаться, несмотря на ужасную жару, – заметил он.

– Где ты будешь спать? – неосторожно спросила она и покраснела, представив себе самый явный, но совершенно невозможный ответ: муж, естественно, спит в одной постели с женой.

– Очевидно, здесь летом множество пустующих комнат, – небрежно ответил он, как будто подобная мысль не приходила ему в голову.

– В таком случае я попрошу Китти приготовить тебе постель, – сдавленно проговорила Калли. Она не пустила бы его, если бы он и пожелал спать с ней в одной постели, но ей стало немного обидно из-за того, что он даже не попытался.

– Не нужно, судомойка уже нашла мне постельное белье и застелила постель. Придется мне ночевать в каморке какой-то старшей ученицы: постели, в которых спят юные леди, коротковаты для взрослого мужчины. – Он пожал плечами, давая понять, что прекрасно понимает все ее внутренние метания.

Калли наморщила лоб. С чего она взяла, что он настолько бесчувственный, что может потребовать от нее исполнения супружеского долга после того, как она упала в обморок, едва увидев его?

– Тетя, позвольте мне в таком случае пренебречь правилами хорошего тона и пойти спать пораньше! Я очень устала.

– Конечно, иди, милая. Ничего удивительного, что ты измучена, – сегодня ты перенесла сильный удар... Правда, я по-прежнему понятия не имею, что ты делала одна на дороге.

Калли решила сделать вид, будто не слышала последний вопрос. Она послушно поцеловала подставленную теткой щеку, а Гидеона наградила взглядом, который словно говорил: попробуй сделать то же самое! Конечно, он не ожидает, что она возобновит их семейную жизнь с того места, на котором она прервалась? Скорее всего, нет – ведь он заранее позаботился об отдельной спальне для себя.

Пожелав мрачной Серафине спокойной ночи, Гидеон ушел в узкую каморку старшей ученицы – ее семья оказалась не настолько богатой, чтобы позволить ей продолжать образование, не исполняя роли бесплатной учительницы для самых маленьких учениц. Он не сомневался в том, что Калли старается как можно лучше приготовить бедную воспитанницу к жизни гувернантки или школьной учительницы, но ее тетка наверняка заботится лишь о том, чтобы содержание бедняжки обходилось как можно дешевле.

Его передернуло при мысли о том, что его собственной дочери пришлось бы выдерживать такую жизнь в школе-пансионе, к тому же без Калли, которая смягчала бы острые углы. Должно быть, он очень устал, потому что при воспоминании об умершей дочери на глаза у него навернулись слезы. Они столько лишились после того, как малютка Грейс умерла, едва родившись... Сейчас их дочка была бы уже не такой маленькой. Девять лет, думал он, раздеваясь и снимая зауженный по моде летний сюртук, шейный платок и жилет. Он почти слышал веселый девичий смех, когда дочка заглядывает в комнату отца, проверяя, спит ли он и заметил ли, как она прокралась вниз после того, как все улеглись спать. А может быть, к этому времени Грейс была бы старшей из целой ватаги их отпрысков. Она наверняка уводила бы младших на кухню, чтобы полакомиться тем, что осталось в кладовке после ужина, или выманивала их ночью в сад гулять при луне, рвать клубнику и смотреть на котят в хижине садовника. Как же ему ее не доставало! Теперь, когда он – впервые за много лет – находился под одной крышей

с ее матерью, ему показалось, что и девочка тоже должна быть здесь. Даже намек на возможность снова начать нормальную семейную жизнь настолько оживил их дочь в его сознании, что ему едва ли не казалось, что он может до нее дотронуться. Единственный призрак, которого он отчаянно хотел увидеть, никогда не придет, никогда не позволит полюбоваться на себя; его девочка всегда останется вне пределов его поля зрения. Лишь иногда ему будет что-то мерещиться – странный тихий смех, чей-то радостный взгляд... Игра воображения!

– Ах, Калли, как бы мы любили нашего ангелочка-дьяволенка, – прошептал он в душную темноту – и сразу же обозвал себя дураком.

Надежда – почти такой же плохой спутник, как отчаяние в тишине этой душной ночи. Да, есть слабая вероятность того, что они с Калли начнут все сначала, но ничего не получится, если она и дальше будет доверять тетке, которая внушает ей, что думать и как себя вести. Он мог бы насильно навязаться жене; мог увезти ее отсюда и показать, насколько извращенно тетка представляет его и остальной мир. По закону он имеет право заставить ее снова жить с ним одной семьей. Но такая жизнь будет немногим лучше жизни совсем без нее... А что, если она не согласится? Он с горечью вздохнул, представив себе безрадостный и унылый семейный союз. Злясь на себя за то, что он всегда хочет целого, когда можно довольствоваться и частью, он, стараясь не шуметь, открыл окно и стал прислушиваться к ночным звукам. Он давно понял, что простуды бояться не стоит – в темноте кроются гораздо более серьезные угрозы. Слишком взволнованный для того, чтобы до конца раздеться, он снял туфли и откинул покрывало на узкой постели. Пусть хотя бы тело отдохнет, пока мысли в голове кружат и кружат, как белка в колесе.

– Доброе утро! – приветствовала Калли Гидеона на следующий день.

Она еще не совсем проснулась. Почти всю ночь она беспокойно ворочалась, не в силах сомкнуть глаз, а потом вдруг заснула так крепко, как не спала уже неделю. Когда Гидеон вошел в малую столовую, сердце у нее затрепетало. Какой он сильный, полный жизни... и какой красивый! В глубине души она тосковала по нему каждый день и каждый час с тех пор, как они расстались. Теперь, когда ее любимый вернулся, она снова увидела жизнь в ярких красках. Правда, она по-прежнему не знала, зачем он приехал, и смотрела на него настороженно.

– В самом деле доброе? Я думал, что сейчас уже вечер – так долго пришлось ждать, когда же моя госпожа покинет свою опочивальню, – поддразнил он, и Калли поморщилась, а затем бросила внимательный взгляд из-под длинных ресниц.

– Откуда у тебя синяк под глазом? – спросила она.

– Ты имеешь полное право спрашивать.

– Что я и делаю. – Она сурово нахмурилась, и он понял, что на сей раз от нее не отделаешься ничего не значащим пожатием плеч.

– Мне пришлось провести ночь в незнакомом доме. Может быть, в темноте я налетел на дверь? – предположил он с таким видом, будто и ему самому такое предположение казалось маловероятным.

– На дверь с кулаком?

– Это был не кулак, а большой кувшин. Наверное, мне надо благодарить горничную верхних покоев за то, что в то время в ее руках не было ночного горшка.

– Чего ради ты по ночам гонялся в темноте за горничными?

– Если бы даже мне пришлось в голову бегать за служанками, я скорее готов гоняться за развратной Горгоной, чем за этой хитрой лисой, – тихо сказал он и закрыл дверь, прекрасно понимая, что Китти станет подслушивать, если ей дадут хоть малейшую возможность. – Рано утром я услышал, как кто-то крадется по дому, – нехотя признался он.

– Китти в самом деле хитрая и нечестная, но она может входить в любую комнату в доме при свете дня. Зачем ей рыскать в темноте?

– Очевидно, она услышала, что кто-то наверху ходит на цыпочках, и решила, что на чердак забрался вор. Восхищаюсь ее смелостью, но мне противно ее любопытство.

– Она вышла из своей комнаты посреди ночи, чтобы поймать вора, а в качестве оружия захватила кувшин для воды? Не знаю, что это – смелость или безрассудство.

– И я не знаю, – с озабоченным видом ответил он. – Так или иначе, я на нее наткнулся. Тот, кто рыскал по дому, услышал шум и бежал, пока Китти применила свое оружие на мне.

– Кстати, сегодня ночь была довольно светлой и было так жарко, что трудно спать. Неужели больше никто ничего не заметил? А если так, скорее всего, злоумышленник, за которым охотились вы оба, находился внутри дома, – решительно объявила Калли, давая ему понять, чтобы он больше не притворялся.

Она задумалась, возможно ли вlepить мужу пощечину так, чтобы он понял: он больше ничего для нее не значит. Наверное, нельзя, решила она и опустилась на привычное место за столом, положив себе в тарелку все подряд. Надо поесть; кроме того, завтрак ненадолго займет ее.

Глава 5

– Как странно, до твоего приезда никаких злоумышленников у нас не было, – сказала Калли, осторожно откусив краешек тоста и запив его крошечным глотком чая.

– Хм... а может, все подхлестнул мой приезд, – возразил он.

– Зачем ты, собственно, приехал, Гидеон? – спросила Калли, которой надоело ходить вокруг да около. В конце концов, вряд ли он приехал по какому-то пустяковому делу. Ей не терпелось поскорее вернуться к прежней жизни. Сложившееся положение куда опаснее для ее спокойствия. Поэтому ей хотелось только одного: чтобы он уехал. Или нет? – Если ты встретил другую и хочешь на ней жениться, боюсь, я тебя разочарую. Я не стану доставлять тебе удовольствие и заводить любовника только для того, чтобы ты получил возможность подать на меня в суд за измену и развестись со мной.

– Ну, если я для чего и приехал сюда, то не для этого, – фыркнул он, как будто сама мысль о чем-то подобном казалась ему глупой и даже немного оскорбительной.

– Зачем же ты приехал? Здесь нет ничего такого, что представляло бы интерес для таких, как ты.

– Нет, есть. Ты!

– Ничего подобного. Я не хочу, чтобы меня использовали, потому что тебе вдруг понадобилась жена, а другой, кроме меня, у тебя нет.

– Калли, у нас с тобой так никогда не было, о чем тебе прекрасно известно.

– В самом деле? – презрительно переспросила она. – Выходит, наша глупая история любви все-таки не была заговором с целью соединить отдельные части наших семей? Должно быть, мне померещились все обвинения, которыми ты осыпал меня после того, как мы вернулись в Рейну после поездки на шотландскую границу! Мисс Каллиопа Соммерс мечтала, чтобы молодой красавец увез ее в Гретна-Грин, где они поженятся по любви. Его отец запретил ему жениться, зато два ее деда сговорились и помогли влюбленным бежать – о да, теперь все очевидно. Гидеон, наверное, ты с самого начала был прав. Наверное, твоя наивная семнадцатилетняя невеста заранее спланировала каждый шаг пути, а то, что твой взбешенный отец гнался за нами, только подхлестывало тебя. Нет лучше способа в один прекрасный день превратиться в леди Лорейн и занять место, которого я была лишена из-за того, что рождена вне брака! Разве не так ты говорил мне, стремясь перевалить вину на меня? Очень жаль, что я не знала, кто я такая на самом деле, пока ты мне не сказал... тебе так не кажется? Или, может быть, ты по-прежнему убежден, что я лгала насчет своего неведения, а за тебя вышла только потому, что сын лорда Лорейна умер, не оставив законного наследника, и он хотел, чтобы его правнукам досталось все, на что я не имела бы права без тебя?

– Нет, хотя не сомневаюсь, что лорд Лорейн и другой твой дед сговорились поженить нас. Они хотели исправить две ошибки за один раз. По-прежнему не верится, что они додумались до такого, – с горькой улыбкой ответил он. – Наверное, не нужно тебе напоминать, что я – сын бастарда Виржила Уинтерли и не имею на Рейну никаких прав. Странно, что твои дедушки не понимали, какую невыгодную партию они предлагают тебе.

– А я, значит, была хорошей партией? Побочный отпрыск шестнадцатилетней школьницы и коварного молодого повесы, который отказался на ней жениться? Ах, Гидеон, не старайся приукрасить прошлое!

– Калли, ты не в ответе за своих родителей. Ты замечательный человек сама по себе... и девять лет назад я был так же польщен тем, что ты согласилась выйти за меня, как и сейчас, – сказал он с таким видом, словно нисколько не жалел об их поспешном браке... но как он мог о нем не жалеть?

– Спасибо, но, если это правда, ты тоже должен перестать винить себя в грехах твоего отца и деда. – Калли криво улыbnулась: теперь Гидеон выставляет ее каким-то идеалом... что она вовсе не находила лестным. – Мне говорили, что твой родной дед по характеру совсем не походил на своего сына, пусть даже твой отец и был похож на него внешне. Наверное, ты пошел в деда. Я порицала твою вспыльчивость и опрометчивость, но никогда не боялась тебя. Даже когда ты бывал навеселе, я знала, что ты ни за что не обидишь ни меня, ни нашего ребенка.

Она увидела, как он дернулся при упоминании ребенка, которого они потеряли, и пожалела, что вовремя не прикусила язык. Не стоило беречь старую рану. Калли вспомнила, как бушевал Эсмонд Лорейн. Он кричал, что скорее убьет Гидеона, чем позволит им пожениться. Как вышло, что у такого хорошего человека отец – злобный пьяница, любитель распускать руки? Подозревал ли Эсмонд, кто она такая на самом деле? Возможно... в таком случае ему противна была сама мысль о том, что его будущий внук может по праву унаследовать Рейну. Такой ожесточенный человек способен был на все что угодно, лишь бы помешать их с Гидеонным браку. В то время ее так же, как и Гидеона, озадачивало ожесточенное сопротивление Эсмонда. Правда, тогда она думала, что все объясняется эгоистической ревностью. Она и в семнадцать лет понимала, что вовсе не считается блестящей партией для внука баронета и правнука пэра Англии... конечно, Гидеон был «немного не таким». Она вспомнила, какой любовью светились глаза леди Виржинии, когда та говорила о покойном муже. Дама с таким сильным характером ни за что не полюбила бы мужчину, который хоть отдаленно напоминал Эсмонда Лорейна. Видимо, Гидеон пошел в деда не только внешне...

– Я готов был скорее отрубить себе руку, чем причинить боль тебе... и все же мне это удалось, верно? – не сразу ответил Гидеон. Калли отвела глаза в сторону и посмотрела в окно. Он вздохнул, как будто вся тяжесть мира лежала на его плечах. – Калли, рано или поздно нам придется об этом поговорить. Если нам с тобой суждено снова стать отцом и матерью, мы сможем сделать это только вместе, в честном браке... если, конечно, ты не предпочитаешь зарезать меня и предстать перед судом.

– Не шути об убийстве, – сухо парировала Калли, до глубины души потрясенная подобным предположением.

– Все лучше, женушка, чем сидеть и выть на луну из-за того, чего ты собираешься нас лишиться.

– Ты рассуждаешь нелепо, и при чем здесь твои рассказы о потере и предательстве? Рассказывай, зачем ты сейчас приехал!

Он вздохнул и налил себе кофе, чтобы запить завтрак, хотя ел так же машинально, как и она, не чувствуя вкуса.

– Признаю, когда твой дед по материнской линии рассказал мне правду о твоём происхождении, я усмотрел в их с лордом Лорейном сговоре лишь заботу о твоём будущем и возможность восстановить линию наследия. Мне и в голову не приходило, что ты не знала, кто на самом деле твой отец, пока я не рассказал тебе об этом. Ничего удивительного, что ты не защищалась в ответ на мои дикие обвинения – должно быть, мои слова потрясли тебя до глубины души... а уж мои комментарии тебя просто ошеломили. Тогда я предпочитал не думать; мне вдруг показалось, что меня использовали как племенного жеребца, который должен покрыть кобылу... и вот я, твой гордый муж и возлюбленный, в бешенстве примчался домой и обвинил тебя в страшных преступлениях. И позже, остыв, я усугубил дело, не отказавшись от своих обвинений, хотя и понимал, что не имею права ни в чем тебя обвинять. Ты ведь не знала, что они задумали! Я никогда не ставил себя на твое место. Что ты должна была почувствовать, узнав, кто твой настоящий отец, от молодого взбешенного идиота? Именно тогда наш брак дал трещину. Трещина разошлась и погубила все, что у нас было... Нет, я сам все погубил просто потому, что гордыня и высокомерие помешали мне признать свою неправоту, – мрачно закончил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.